

Однако, увидев это кольцо, он внезапно всё понял — Шэнь Ланьшу опасался Цзи Синье, и ему нужно было заявить о своих правах, чтобы дать сопернику недвусмысленное предупреждение.

Подобные мелочи не задевали его принципов, поэтому он лишь усмехнулся про себя. Умывшись и выйдя из ванной, он потянулся за телефоном, но обнаружил, что тот выключен. Нахмурившись, он включил аппарат и, управляя инвалидным креслом, выехал из комнаты.

Вилла Шэнь Ланьшу располагалась недалеко от финансового квартала, и соседями здесь были сплошь богатые да влиятельные люди. В отличие от деревни Жуншу, где даже глубокой ночью можно было услышать лай собак или чьи-то шаги, здесь днем стояла такая тишина, что было слышно, как падает игла. Вилла была просторной, а няня, тетушка Ван, и сиделка, дядя Чжоу, — людьми немногословными, поэтому любой посторонний шум казался здесь особенно резким.

Едва Цзян Цинъянь выехал на лестничную площадку, как снизу до него донеслись голоса.

— Время уже позднее, господин Цзи приехал издалека и еще не отдыхал, а впереди, должно быть, ждут рабочие дела. Думаю, лучше я попрошу своего помощника отвезти вас в отель. А когда Цинъянь проснется, я сообщу ему, и он сам решит, когда с вами встретиться.

В его ленивом тоне отчетливо сквозило нетерпение — сразу было слышно, что Шэнь Ланьшу выпроваживает гостя. Однако собеседник ответил на удивление спокойно:

— Не стоит беспокоиться. Я приехал сюда специально ради Цинъяня, никаких рабочих планов у меня нет.

Смысл был ясен: он готов ждать.

Шэнь Ланьшу тихо рассмеялся. Его низкий голос звучал весьма обворожительно, но Цинъянь, уже хорошо изучивший его, уловил в этом смехе иссякающее терпение. И точно: в следующее мгновение Шэнь Ланьшу оборвал смех и холодно бросил:

— Цзи Синье, если в тебе есть хоть капля самоуважения, ты должен немедленно взять свои вещи и убраться, пока Цинъянь не проснулся!

— А с чего бы мне это делать?

Молодой и горячий Цзи Синье бесстрашно встретил его тяжелый взгляд, но под напором этих острых, как у сокола, глаз, видящих всё насквозь, невольно опустил голову. Осознав это, он на мгновение помрачнел.

Украдкой сжав кулаки, он снова поднял взгляд и вызывающе спросил:

— Цинъянь — лишь твой сотрудник, а не твоя собственность. По какому праву ты запрещаешь мне видаться с ним?

Его голос, утративший прежнюю уверенность, уже выдал поражение.

Шэнь Ланьшу прищурился и насмешливо протянул:

— Молодежь действительно бывает невежественной и бесстрашной.

С этими словами он вынул руку из кармана брюк, наклонился и пальцами, украшенными массивным кольцом с красным бриллиантом, вытащил из пачки сигарету. Покрутив её между пальцами, он прикурил. Огонек вспыхнул в его глазах, словно разжигая там пламя.

Сделав пару затяжек, он поднял свой волевой подбородок и, глядя на Цзи Синье, который не сводил глаз с его руки, приподнял бровь:

— У красного бриллианта есть второе название — камень любви. Древние верили, что он является воплощением феникса, а феникс символизирует вечную жизнь. Поэтому это кольцо олицетворяет вечную любовь. У Цинъяня на руке точно такое же.

Лицо Цзи Синье мгновенно побелело:

— Не может быть... этого не может быть...

Он повторял эту фразу снова и снова.

Шэнь Ланьшу с пренебрежением докурил, вдавил окурок в пепельницу и, закинув ногу на ногу, произнес:

— Когда мы с Цинъянем устроим помолвку, я пришлю господину Цзи приглашение.

Цзи Синье ушел. Не сказав ни слова.

Шэнь Ланьшу тяжелым взглядом проводил его ссутулившуюся фигуру. Спустя мгновение он издал короткий смешок — надо же, такой слабак.

Сбросив с себя напряжение, словно перед лицом опасного врага, он успокоился и повернулся, намереваясь подняться вверх, чтобы проверить, проснулся ли его парень. И тут он неожиданно столкнулся с взглядом того, кто, по-видимому, уже давно наблюдал за происходящим из коридора второго этажа.

Шэнь Ланьшу замер. Он уже открыл рот, чтобы объясниться, как вдруг, сам не зная почему, вспомнил ту ночь на похоронах дедушки Цзяна, когда нечаянно застал Цинъяня — еще не бывшего тогда его парнем — за тем, как тот прогонял Цзи Синье.

Сцена была похожей, те же три участника. Единственное различие — они с Цинъянем поменялись местами.

Тогда он был сторонним наблюдателем и смотрел на всё как на забавное представление. А его парень сейчас слегка приподнял уголки губ, прищурил глаза, и в его взгляде читалось то же самое озорство — он явно наслаждался зрелищем.

Ирония судьбы, не иначе.

Шэнь Ланьшу подавил нахлынувшую неловкость, взял себя в руки и, поднявшись по лестнице, с невозмутимым видом присел перед ним на корточки:

— Господин Цзи только что ушел, он наверняка еще не покинул территорию поселка. Хочешь, я прикажу его вернуть?

— Ну так иди, верни, — приподняв бровь, ответил Цинъянь.

Он увидел, как лицо Шэнь Ланьшу, только что изображавшего великодушие, окаменело.

Спустя мгновение тот опустил веки, резко встал, подхватил Цинъяня на руки и широкими шагами направился вниз по лестнице, с каменным лицом бросив:

— Сначала поедим!

Зачем звать обратно соперника, которого он с таким трудом выдворил? Если бы этот тип по фамилии Цзи имел хоть каплю гордости, он бы немедленно вернулся в город Жун, чтобы не позориться.

Но всё шло не так, как он хотел.

Вечером Цзи Синье позвонил Цинъяню и попросил поужинать вместе, чтобы поговорить наедине. Как раз в этот момент Шэнь Ланьшу вызвали в главный дом из-за проблем с Лао Лю в клубе. Цинъянь отправился на встречу один и встретил Цзи Синье у входа в ресторан.

С момента приезда Цинъяня в Киото прошло всего полмесяца, но тот молодой человек, который в его памяти был таким ветреным и нежным, сильно похудел. На его носу по-прежнему красовались очки в тонкой оправе, придавая ему интеллигентный вид, но прежняя беззаботность в глазах сменилась изможденностью. Было видно, что в эти дни ему пришлось

несладко — щеки впали, однако это лишь придало его облику некую болезненную, декадентскую красоту.

Цинъянь позволил ему закатить свое кресло в кабинку ресторана.

Усевшись друг напротив друга, Цзи Синъе по привычке снял очки и, глядя на него уставшими персиковыми глазами, спустя долгое время горько усмехнулся:

— Ты сильно изменился. Когда тебя только что привезли ко мне, я едва узнал тебя.

Аккуратно подстриженные волосы подчеркивали черты его лица, рубашка, хоть и без громкого бренда, была превосходного кроя, а бледная от природы кожа теперь светилась здоровьем. Но главное — это перемена в темпераменте: от него исходило спокойствие, граничащее с отстраненностью. Слово человек наконец-то всё понял и обрел покой, избавившись от прежней замкнутости и неуверенности.

— Люди меняются, — негромко ответил Цинъянь.

Его чувства к Цзи Синъе были сложными. В любви тот предал Цзян Цинъяня, но для него самого, человека, который не испытывал к нему привязанности, Цзи Синъе, напротив, во многом помогал — например, когда он только вселился в это тело и остался без гроша в кармане.

— А я не изменился, — Цзи Синъе, очевидно, был не в силах это принять. Он смотрел на человека, чье выражение лица оставалось невозмутимым, и с разочарованием опустил глаза, прошепав: — Я все тот же, я по-прежнему ставлю тебя на первое место.

Просто раньше он не осознавал, что стоит за этой привязанностью. А когда начал догадываться, не бросился сразу в Киото. Но когда рядом не стало того, кого можно было увидеть, просто повернувшись, он вдруг осознал, что не может его потерять. Но было уже поздно.

— Посмотри, что хочешь заказать, — он подавил горечь, взял себя в руки, поднял взгляд и, улыбнувшись, пододвинул меню: — Не экономь на мне. Я теперь работаю с отцом, сам знаешь, он назначил мне миллионную зарплату в год. Теперь я, можно сказать, успешный человек с доходом в миллион.

Сказав это, он нажал на кнопку вызова официанта.

Не прошло и пяти секунд, как дверь кабинки распахнулась. Оба не придали этому значения, пока Цинъянь не почувствовал на себе чей-то странный, липкий взгляд. Он отвлекся от меню и, повернув голову, увидел рослого человека в плохо сидящей форме официанта. На лице незнакомца была серебряная маска, из прорезей которой на него смотрели полные обиды

глаза.

— ...Пфф! — Цинъянь едва не поперхнулся слюной.

— Ты в порядке? — обеспокоенно вскочил Цзи Синье, не заметив, кто вошел.

Только он хотел подойти, как фигура в маске опередила его, метнулась к Цинъяню и начала хлопать его по спине с такой естественной ловкостью, что Цзи Синье застыл на месте.

— Шэнь... — начал было он.

— Шэнь, Шэнь, что ты там мямлишь? Почему еще не попросил официанта принести воды? — Шэнь Ланьшу, не поднимая головы, сорвал с лица маску, небрежно бросил её на стол и сердито проворчал: — Сколько тебе лет, чтобы давиться слюной?

Цинъянь, у которого от кашля выступили слезы, сверкнул глазами:

— Это всё ты меня напугал!

— Я напугал? — Шэнь Ланьшу закипел. — Почему ты не скажешь, что это ты, сбежав от меня на свидание с другим мужчиной, испугалась, что тебя застукают?

Он всего на час отлучился в главный дом, а этот тип по фамилии Цзи тут же воспользовался случаем. Если бы не Ли Сэнь, он бы и не узнал, что его парень ужинает с соперником.

Цинъянь тоже разозлился и недовольно оттолкнул Шэнь Ланьшу. Раньше он закрывал глаза на мелкие шалости, но такое поведение — уже перебор. Мало того, что приперся в ресторан, так еще и переоделся официантом, чтобы шпионить! Чем это отличается от поведения маньяка?

Лицо Цинъяня похолодело. Он в упор посмотрел на Шэнь Ланьшу:

— Я испугалась? Да у тебя с головой не в порядке! Цзи Синье — мой друг, он приехал из города Жун специально ради меня. Ты отключил мой телефон, чтобы я не встретила его в аэропорту, я промолчала. Ты выставил его за дверь, пока я спала, я стерпела. Но что ты делаешь сейчас? Слежка? Наблюдение?

Сказав это, он мгновенно вспомнил те три тысячи лет заточения. В те времена вокруг не было ни живой души, ни даже живого существа — и сейчас поведение Шэнь Ланьшу вызвало у него то же удушающее чувство одиночества, что привело его в ярость.

От гнева его лицо залила краска. В темных зрачках вспыхнули алые всполохи, похожие на

языки пламени, ярче закатной зари. Это зрелище отрезвило Шэнь Ланьшу, ослепленного ревностью.

Он остолбенел, глядя на парня, который смотрел на него так, будто перед ним был труп. Сердце, пропитанное укусом ревности, внезапно пронзила боль. Очень слабая, будто от укола иглы. Но следом посыпались другие уколы, и острая боль мгновенно распространилась по всему телу, лишая его дыхания.

Он впервые влюбился. И впервые так сильно. Он отдал этому человеку всю свою любовь и терпение, а тот смотрит на него с такой холодностью. И всё ради друга детства, Цзи Синье?!

Глаза Шэнь Ланьшу покраснели. Он еще мгновение смотрел на Цинъяня, затем отвел взгляд, холодно бросил быстрый взгляд на ошеломленного Цзи Синье и, не говоря ни слова, вышел из кабинки, прикрыв за собой дверь.

— ... — Цзи Синье пришел в себя, опустил глаза и внезапно произнес: — Цинъянь, поехали со мной в город Жун. Я теперь работаю с отцом, он хочет сделать меня своим наследником. Я еще не могу сравниться с господином Шэнем, но я молод...

Цинъянь сидел, опустив голову, изо всех сил подавляя желание убить. Он ничего не слышал. Он мог простить Шэнь Ланьшу за мелкие ревностные выходки, если они не переходили черту, но его главной чертой была свобода. И если Шэнь Ланьшу будет продолжать в том же духе, то такая помощь ему не нужна!

Система долго уговаривала его, и, почувствовав, что жажда убийства утихла, она тайно вздохнула с облегчением и не удержалась от жалобы:

— Раньше в двух мирах я и не замечала, что у него такая сильная тяга к контролю.

Чуть Великого Демона из себя не вывели.

Цинъянь на мгновение замер:

— Это не тяга к контролю, это жадность, порождающая собственничество.

Шэнь Ланьшу где-то разделил свою душу на две части. Одна — основная, другая — клон. Клон, должно быть, получил какой-то шанс и стал настолько силен, что смог поглотить основную душу. Именно из-за этого его при первой же встрече затянуло в пространственную воронку, с чего и начались их переплетения. В первой жизни он имел дело с клоном — Цяньчунем.

Тогда силы Цяньчуня были равны силам Шэнь Ланьшу, а так как у Шэнь Ланьшу не было памяти и он был ленив, у него был шанс прожить с клоном целую жизнь. Цяньчунь, будучи отделенной частью, не унаследовал лени и жадности Шэнь Ланьшу, поэтому был сдержан,

внимателен, умел наблюдать и знал меру. Жить с ним было приятно.

Во второй жизни Шэнь Ланьшу, как основная душа, обладал естественной способностью подавлять клон. Хотя у него не было памяти, присутствие Цяньчуня было для него как меч над головой, отнимая половину его внимания. А в этой жизни клон был окончательно подавлен. И вся жадность и собственничество, присущие его натуре, вырвались наружу.

В Море Богов он направлял эти желания на богатство. Встретив Цинъяня и полюбив его, он перенес все эти желания на него.

Цинъянь понял это только сейчас. Но, осознав, он нахмурился еще сильнее. За кого его принимает Шэнь Ланьшу? За свою вещь?

Цинъянь злился всё больше. Система, почувствовав рост жажды убийства, поспешила утешить:

— Может, всё не так радикально? Может, он просто слишком сильно о вас заботится? В конце концов, это тело, в котором вы сейчас находитесь, связано с Цзи Синье узами дружбы детства, границы отношений неясны. Его нервозность естественна, он просто боится вас потерять.

Услышав это, Цинъянь усмехнулся:

— Разве он не сам на себя это навлек?

— Ну, так тоже нельзя говорить, Великий Демон. Сделки с волей мира стоят очень дорого. Особенно если это воплощение воли мира — у него нет никакой кармической связи с оригиналом, и мир будет благоволить именно вам. Подумайте сами: госпожа Цзи, нынешний старейшина Шэнь, родители и сестра Шэнь Ланьшу — разве они не проявляют к вам особую заботу и снисходительность?

Цинъянь задумался и понял, что так оно и есть.

— В нормальных обстоятельствах стал бы консервативный старик соглашаться на то, чтобы его старший внук был с женщиной? — Система, увидев, что жажда убийства спала, вытерла несуществующий пот со лба. — Сейчас вы не чувствуете этого глубоко, но как только начнете свое дело, поймете, насколько мир вам благоволит.

— Выходит, это еще и моя вина? — холодно спросил Цинъянь.

— ... — Система замаялась. — Не ваша вина. Как бы сказать... согласно воспоминаниям прежних систем, в отношениях хуже всего — молчать. Нужно вовремя говорить о недовольстве, уступать друг другу, когда возникают конфликты, и анализировать всё на холодную голову...

— Щелк!

Дверь кабинки внезапно распахнулась.

Шэнь Ланьшу с потухшим взглядом молча вошел внутрь. Подойдя на расстояние двух метров, он замедлил шаг, неловко замялся, подошел к Цинъяню, жалобно опустил на корточки, украдкой ухватил двумя пальцами край его одежды и слегка потянул:

— Я был неправ...

Увидев вернувшегося Шэнь Ланьшу, который был готов так унизиться, Цзи Синье, чье лицо было мрачным, с тревогой посмотрел на Цинъяня.

Лицо Цинъяня немного смягчилось. Почувствовав, как дергают за край одежды, он опустил голову и увидел Шэнь Ланьшу. Его тщательно уложенные назад волосы растрепались, несколько прядей упали на лоб. Он был похож на огромного пса, проигравшего драку: робко и смиренно признавал свою вину, словно вымаливал у хозяина прощения.

Его голос звучал глухо, с нотками в носу, будто он тайком плакал. Однако тесная форма официанта так сильно сдавливала его мощный торс, что, казалось, ткань вот-вот лопнет. Это выглядело одновременно жалко и смешно.

Цинъянь смахнул его руку со своего края одежды. Его взгляд оставался холодным, в нем читалось подавленное раздражение, но он молчал. Его гнев, после анализа системы, поутих. Но терять принципы нельзя: они вместе совсем недавно, а он уже начал ограничивать его общение. Если позволить этому продолжаться, не начнет ли он контролировать всю его жизнь, изгоняя всех вокруг, пока Цинъянь не станет его полной собственностью?

Когда его руку смахнули, сердце Шэнь Ланьшу екнуло. Как только он вышел из кабинки, он пожалел о содеянном. Он был старше Цинъяня, но вел себя как семнадцатилетний мальчишка. Как мужчина, он должен был хоть немного сохранять лицо. Мало того, что он преследовал его, так еще и устроил сцену при Цзи Синье, заставив Цинъяня краснеть перед старым другом. Неудивительно, что Цинъянь злится. Но вернуться... Цинъянь назвал его маньяком, это было больно, и ему было стыдно.

Пока он мучился, его просветила фраза Ли Сэня:

— Босс, может, попросить ресторан прислать официанта для обслуживания?

Официант? Кабинка? Друг детства, мужчина и мужчина? И, возможно, у них было прошлое? И они только что поругались! Чем это отличается от того, чтобы собственноручно отдать шанс злонамеренному Цзи Синье?

Шэнь Ланьшу не выдержал. Что такое лицо? Без парня лицо не нужно! Поэтому он бесстыдно вернулся.

Шэнь Ланьшу украдкой взглянул на лицо того, кто сидел над ним. Увидел лишь напряженную линию челюсти — гнев явно не прошел. Он снова ухватил двумя пальцами край одежды, слегка потряс его и, смягчив голос, продолжил заискивать:

— Я был неправ, что подозревал тебя, не разобравшись. Не стоило устраивать сцену. Я был мелочным и узколобым, не доверял тебе — это неправильно. Наказывай меня как хочешь, только, пожалуйста, не злись на меня.

В этом самоанализе уже проглядывала готовность признать вину. Цинъянь открыл рот, чтобы что-то сказать, но не успел. Шэнь Ланьшу, набравшись смелости и подавив стыд, выпалил:

— Умоляю, любимый, не злись. Я знаю, что виноват.

— ... — Цинъянь понял, что недооценил бесстыдство этого ленивца.

Цзи Синъе, ставший свидетелем всего этого, словно подавился чем-то — он не мог произнести ни звука. Шэнь Ланьшу всегда казался ему загадочным и высокомерным, и он не верил, что такой человек может быть искренен с Цинъянем. Но в этот момент его психологическая защита, которую он выстраивал полмесяца, внезапно рухнула.

Даже такой человек умеет гнуться. Смешно, но он сам целых полмесяца сомневался, стоит ли ехать в Киото, чтобы вернуть Цинъяня.

Похоже, он проиграл. Но он не хотел сдаваться. Неужели десятилетняя дружба не может перевесить чувства, которые длятся меньше месяца?

Цзи Синъе взял себя в руки, проигнорировал Шэнь Ланьшу, сидящего на корточках, и, улыбнувшись, тихо спросил Цинъяня:

— Цинъянь, так что ты думаешь о моем предложении?

<http://bllate.org/book/19897/1958735>